

Роль государства в поддержке семьи в современном Китае

Научный руководитель – Деханова Наталья Геннадьевна

Лю Синьюй

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Социологический факультет, Кафедра социологии государственного управления, Москва, Россия

E-mail: 2004522709lxu@gmail.com

Поддержка института семьи как ключевая функция социального государства приобретает особую актуальность в современном Китае, где трансформация демографической ситуации, экономическое развитие и глобализация коренным образом изменяют традиционные семейные структуры и отношения. Переход от политики ограничения рождаемости (один ребенок) к комплексным мерам стимулирования деторождения (три детей), ускоренное старение населения, нуклеаризация семьи и городско-сельское неравенство формируют новый контекст, требующий адаптации государственной политики к изменяющимся потребностям граждан.

Классическая социология определяет семью как базовую социальную ячейку, осуществляющую воспроизводство населения, социализацию детей и поддержку членов семьи. Государственная семейная политика как компонент социальной политики выступает инструментом регулирования семейных отношений, и ее развитие в мире подчиняется универсальным закономерностям: адаптация к процессам модернизации, динамика понятия «семья», изменение гендерных ролей, своевременное удовлетворение семейных потребностей, усиление государственного вмешательства и комплексное влияние политических, экономических и культурных факторов [8].

Как отмечают исследователи А.И. Антонов и А.Б. Синельников, эффективная семейная политика предполагает сочетание законодательных, экономических и социальных мер, адаптированных к национальным спецификам [7,8]. В международной практике сформировались три основные модели семейной политики по типологии Эспинг-Андерсена: либеральная (США, рыночные механизмы), консервативная (Германия, Франция, сохранение традиций) и социал-демократическая (Швеция, универсализм, гендерное равенство), дополненные восточноазиатской (Япония, Южная Корея) и российской моделями с их характерными институциональными особенностями [6].

Исследователи НИУ ВШЭ и Института демографических исследований ФНИСЦ РАН фиксируют, что международный опыт развития семейной политики проходит пять стадий – от социальной помощи к глобализированной политике, направленной на решение проблем старения населения и сверхнизкой рождаемости. Франция и Швеция демонстрируют эффективность щедрых пособий и развитой системы услуг по уходу за детьми, тогда как Япония и Южная Корея сталкиваются с ограниченным эффектом мер стимулирования рождаемости при сохранении конфуцианских традиций [6].

Однако социологи Т.Н. Белова и Е.В. Михайлова обращают внимание на то, что трансляция международного опыта требует учета национальных специфик. В Китае семейная политика формировалась в условиях однопартийного управления и конфуцианской семейной традиции, что определило ее как самостоятельную незападную модель, сочетающую элементы продуктивистского государства благосостояния и централизованного демографического регулирования [1].

Трансформация семейной политики КНР является наиболее ярким проявлением адаптации государства к демографическому кризису. Традиционные административные ин-

струменты контроля над репродуктивным поведением (политика одного ребенка) утратили эффективность, уступая место комплексному набору экономических стимулов – материальных выплат, налоговых льгот, жилищных программ – и институциональных мер, включая совершенствование законодательства и системы социального обеспечения [2].

Как указывает А.А. Москальцова, переход от политики ограничения к стимулированию рождаемости (через двух детей к трем) отражает системный кризис демографической модели Китая, связанный с сокращением трудоспособного населения и старением общества. Традиционная модель семейной поддержки пожилых людей утрачивает смысл в условиях нуклеаризации семьи и миграции молодежи в города, что требует расширения государственного участия в социальном обеспечении [2].

Развитие системы социальных услуг и платформ государственной поддержки трансформирует роль КНР как государства, отвечающего на потребности семей. Исследователи РАНХиГС отмечают, что современная китайская политика сочетает экономическую поддержку семей с детьми и развитие инфраструктуры ухода за пожилыми, что формирует запрос на переход от административного регулирования к сервисной модели взаимодействия государства и семьи [4].

Однако, как показывают социологические опросы и статистический анализ, эффект реализации семейной политики в Китае неоднороден. Уровень бедности семей с детьми значительно снизился, что подтверждает эффективность экономических мер социальной поддержки, но суммарный коэффициент рождаемости продолжает снижаться, несмотря на наращивание объема пронаталистских мер. Существует риск формальной реализации политики, когда государственные инициативы не учитывают региональные различия и реальные потребности современных китайских семей [3].

Переход к комплексной модели поддержки семьи меняет природу стратегического планирования в сфере демографической и социальной политики КНР. Государство сегодня выполняет функцию не просто разработки отдельных мер, но и интеграции экономических, социальных и законодательных инструментов, направленных на обеспечение демографической устойчивости и социального благополучия [3].

Аналитики Центра стратегических разработок подчеркивают, что эффективность такой политики зависит от унификации подходов и создания единой системы социального обеспечения, охватывающей как городское, так и сельское население. Это должно повысить обоснованность бюджетных расходов и точность прогнозирования демографических процессов [4].

Однако здесь возникает фундаментальное противоречие. Как отмечают авторы исследований по демографической политике Китая, городско-сельский дуализм и региональное неравенство в доступности социальных услуг остаются ключевыми факторами, снижающими совокупную эффективность семейной политики. Экстраполяция унифицированных мер на все регионы страны ведет к искажению управленческих воздействий и закреплению структурного неравенства [3,4].

Подводя итог, следует отметить, что ключевым вызовом для КНР остается сохранение баланса между централизованным регулированием и учетом региональных и социальных специфик семейной жизни: государственная поддержка не должна ограничиваться формальными экономическими стимулами, но должна усилить субъектность семьи во взаимодействии с властью. Дальнейшие исследования в области социологии семейной политики должны быть направлены на разработку дифференцированных моделей поддержки семьи, учитывающих городско-сельское неравенство, и оценку эффективности интеграции международного опыта с национальными традициями Китая [1,6].

Источники и литература

- 1) Белова Т. Н., Михайлова Е. В. Социологическая оценка изменений в развитии института семьи в КНР как объекта семейной политики // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2018. Т. 4. № 2. С. 91-106.
- 2) Москальонова А. А. Демографическая политика Китая: программы «Одна семья — один ребенок» и «Одна семья — три ребенка» // Молодой ученый. 2021. № 36 (378). С. 157-161
- 3) Полякова Е. С., Чистякова Д. П. Изменения в демографической политике Китая за 2010–2021 годы // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 1. С. 142-153.
- 4) Ван Ш., Цзя С., Мищук С.Н. Изменения в демографической политике Китая за 2010–2021 годы // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 3. С. 66-76.
- 5) Chen Y., Li B., Wang X., Zhao M. Short-term gains versus long-term strains: productivist policies and family resilience in China // The Journal of Chinese Sociology. 2024. Vol. 11. Article 7.
- 6) Фамилизм и патернализм: почему меры стимулирования рождаемости в Японии и Южной Корее менее эффективны, чем в России и скандинавских странах? // Социологические исследования. 2019.
- 7) Синельников А. Б. Семья в современном обществе. М.: КДУ, 2014. С. 28
- 8) Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 64.
- 9) Куприянова Ю.А., Янишевская А.И. Новая демографическая политика в Китае: «Одна семья – два ребенка» // Демографическое обозрение. 2017. Том 4. № 2. С. 53-64.